

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

Екатерина II и крестьянский вопрос

<...> Вступая на престол, Екатерина Алексеевна сознавала, что «естественный закон повелевает ей заботиться о благополучии всех людей»; она стремилась поставить себе «общую цель» — «счастье своих подданных»; она интересовалась и историческими судьбами русского народа, и современным его состоянием; она не могла равнодушно отнестись и к тяжелому положению низших слоев населения, смутные ожидания которого обнаружились хотя бы в крестьянских волнениях, наступивших в то время в разных уездах *.

В царствование Екатерины II крестьянский вопрос, т. е. собственно говоря, вопрос о том, как отнестись к крепостной зависимости человека от человека, действительно, получил гораздо большее значение: критерии его оценки стали выясняться; вместе с тем право дворян владеть крепостными, сосредоточившееся почти исключительно в их руках, уже не было обусловлено их обязательною службою, и крепостная зависимость стала все более приобретать частноправовой характер; принимая его во внимание **, сама императрица поставила крестьянский вопрос и предала его гласному обсуждению русского общества.

При постановке крестьянского вопроса императрица Екатерина II должна была, конечно, выяснить себе те точки зрения, с которых он подлежал обсуждению. Нельзя сказать, однако, чтобы государыня придерживалась вполне однородных начал в своих взглядах и в законодательной политике: при обсуждении крестьянского вопроса в теории она обнаружила, особенно на первых порах, некоторую склонность принять во внимание

* ПСЗ, XVI, № 11678 и др.; ср.: Сенатский архив, т. XIII, с. 235.

** Сборник ИРИО, т. X, с. 84, гл. V, с весьма важной поправкой, указанной г. Чечулиным в академическом издании Наказа, с. LXXX; ср. еще Сборник ИРИО, с. 153.

общие принципы справедливости и права, но в своем законодательстве она руководилась и такими политическими соображениями, которые далеко не благоприятствовали окончательному его разрешению; все более считаясь с ними, она кончила тем, что, под влиянием реакции, сняла с очереди вопрос о крепостном праве и даже способствовала дальнейшему его развитию.

С точки зрения отвлеченных религиозно-нравственных и естественно-правовых начал, Екатерина Алексеевна рассуждала о свободе и рабстве уже в тех заметках, которые она делала для себя до вступления своего на престол; в духе либеральных идей своего времени, она, подобно Монтескье, писала, например, что все люди рождаются свободными и что «противно христианской вере и справедливости делать их невольниками» *. Вообще, придерживаясь взглядов подобного рода, императрица должна была прийти к мысли о крестьянской свободе и к отрицанию права человека распоряжаться человеком почти так же, как «скотом». Крепостной, по ее мнению, такой же человек, как и его господин: «если крепостного нельзя признать персоною, следовательно, он не человек, но его скотом извольте признавать, что к немалой славе и человеколюбию нам от всего света приписано будет. Все, что следует о рабе, есть следствие сего богоугодного положения и совершенно для скотины и скотиною делано» **. Итак, крепостной не только человек, но и «персона»: он должен быть лицом, наделенным правами: «естественная вольность» даже в среде крестьян должна подлежать возможно меньшим стеснениям. Впрочем, составительница Наказа могла подойти к аналогичному (в формальном смысле) заключению и на основании позитивно-правовой теории; следуя Монтескье, она писала: «равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам», а их свобода — в том, чтобы каждый из них имел возможность делать то, что ему «надлежит хотеть» ***; но и с такой точки зрения вопрос о правомерности крепостного права вставал сам собою. Решение его должно было, очевидно, состоять в освобождении владельческих крестьян от «порабощения».

* *Montesquieu*. *Esprit des lois*, liv. VIII, ch. 3; говоря о таком равенстве, автор прибавляет, однако: «mais ils n'y sauraient rester» (Сборник ИРЮ, т. VII, с. 84; ср. еще: *Пыпин А.* Екатерина II и Монтескье // *Вестник Европы*, 1903, май, с. 292.

** *Соловьев С.* История России, комп. изд., кн. VI, с. 378.

*** *Montesquieu*. *Esprit des lois*, liv. VIII, ch. 3; liv. XI, ch. 3; Наказ, ст. 34 и 37.

Сама императрица Екатерина II вряд ли могла, однако, остановиться на столь радикальной для ее времени постановке крестьянского вопроса: в большинстве статей Наказа, составленного под влиянием Монтескье и других писателей, а также в теме, предложенной Вольно-экономическому обществу, она высказывается гораздо менее решительно.

В проекте Наказа императрица, кажется, еще не оставила мысли о «воле» крепостных; одну из его статей она начала было со слов: «можно также установить, чтобы на воле...», но зачеркнула написанное, оставив только статью о том, что «законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества»; некоторые из ее предположений, например, об установлении в законе условий, ограничивающих поступление в крепостную зависимость и облегчающих ее прекращение, действительно, не получили дальнейшей формулировки: статьи о запрещении вольноотпущенным закрепощать себя, об определении в законе размера выкупа на свободу, об освобождении семейства изнасилованной женщины, а также отрывок об учреждении сельского суда не попали в окончательный текст; в нем остались, однако, ее положения о том, чтобы избегать случаев приводить людей в неволю; чтобы предоставлять крестьянам свободу вступать в брак; чтобы ограждать их права на имущество; чтобы предписать особым законом помещикам с большим рассмотрением располагать свои поборы и брать такие из них, которые менее мужика отлучали бы от его дома и семейства; наконец, чтобы отвращать путем закона «злоупотребления рабства», т. е. наказывать помещиков, мучающих своих крестьян*.

В постановке, какую императрица Екатерина II сочла нужным придать крестьянскому вопросу при обсуждении его в Вольно-экономическом обществе, мысль об освобождении крестьян также не совсем исчезла, но выражена еще менее ясно, в связи с утилитарными соображениями государственного характера; упуская из виду, что «когда тело чье подвластно другому, имение его всегда тому же подвластно будет», покровительница общества в письме, доложенном 1 ноября 1766 года, обратила особое внимание на одни только имущественные права крестьян; вероятно, под влиянием мысли, что «земледельство», столь важное для государства, не может процветать там, где земледелец «не имеет ничего собственного», и что порабощение убивает соревнование и, значит, убыточно государству, она предложила

* Памятники русского законодательства, № II: Наказ, с. XI, XII, XXIX—XL, LXXVI; ст. 259, 261, 269, 275, 279, 288.

следующую тему: «в чем состоит собственность земледельца: в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости, и какое он право на то или другое для пользы общенародной иметь может»? Таким образом, императрица считала возможным, не предпреляя вопроса о крестьянской свободе или о том, на каком праве господин владеет крепостным, обсуждать вопрос о том, какое право крепостной имеет на землю, которую он обрабатывает, и на движимость; в поставленном ею вопросе она, кроме того, едва ли ясно разграничивала «общенародную пользу» от государственного интереса, который можно было понимать и в гораздо более узком смысле.

Такая постановка крестьянского вопроса не предвещала полного его разрешения, в смысле упразднения крепостного права, и в лучшем случае открывала возможность принять меры, которые лишь смягчили бы тяжелую участь крепостных.

Действительно, под влиянием принятой ею политической теории и других обстоятельств императрица Екатерина II не решилась остановиться на мысли об освобождении крестьян, хотя бы постепенном, — мысли, разумеется, тесно связанной с понятием о крестьянских правах: она стала преимущественно настаивать на одном только ограничении крепостного права. В самом деле, императрица высоко ценила ту теорию монархического строя, которая проповедовала, что дворянство должно естественно исполнять роль посредствующей власти между верховною властью и народом. Согласно с мнением «лучшего о законах писателя», государыня полагала, что нарушение прерогатив привилегированных слоев общества (*les prérogatives des seigneurs, du clergé, de la noblesse et des villes*)¹ приводит к водворению в стране демократического или деспотического государства*; смотря на дворянство, как на опору монархии, она уже с такой сословной точки зрения едва ли решилась бы покончить с его правом владеть крепостными, тем более что сама была не мало ему обязана своим воцарением. Впрочем, признавая тесную связь между монархом и дворянами, а также между дворянами и крестьянами, императрица охотно ссылалась, при обсуждении крестьянского вопроса, и на другие утилитарно-политические соображения. В одном из своих писем генерал-прокурору, вызванном намерением Сената издать суровый закон против крестьян, убивших помещика, она, например, указывает на то, что люди, не имеющие обороны «ни в законах нигде», из-за всякой малости могут впасть в отчаяние, и что «в подобных

* Памятники русского законодательства, № II: Наказ, с. XVIII.

случаях» надо «быть весьма осторожна», дабы не ускорить и «без того довольно грозящую беду», ибо «положение помещичьих крестьян таково критическое, что, кроме тишиной и чело- веколюбивыми учреждениями, (бунта их) ничем избежать не можно»; а «если мы не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческого роду нестерпимого положения, то и против воли сами оную возьмут, рано или поздно» *. С такой точки зрения, скорее политической, чем юридической, императрица приходила к мысли об ограничении крепостного права, тем более, что и высшие сановники, и ее приближенные, Панин, Голицын, Сиверс и другие, в лучшем случае предлагали преимущественно подобного же рода частные меры или полумеры.

В самом деле, не признавая возможным «через общее узаконение вдруг сделать великое число освобожденных», императрица стала, главным образом, думать не о постепенном осуществлении такой реформы, а только об ограничении крепостного права. В «Начертании» она уже высказалась именно в таком смысле, но настаивала вместе с тем и на возможно более «нечувствительном» осуществлении предполагаемых улучшений: под влиянием Монтескье, видимо, не сочувствуя смешению «существенной покорности, соединяющей крестьян неразлучно с участком данной им земли», с «личной», она предлагала комиссии о государственных родах изыскать средства для того, чтобы «привязать к земле и утвердить на ней самих земледельцев», преимущественно такие, «в коих и хозяину и земледельцу равная прибыль окажется» и которые могли бы «произвести нечувствительное некоторое полезное в состоянии нижнего рода поправление и пересечь всякие злоупотребления, удручающие сих полезных членов общества» **.

Впрочем, в одном случае императрица Екатерина II решилась на меру, которая фактически повлекла за собою освобождение довольно значительного числа владельческих крестьян: в манифесте от 26 февраля 1764 года она всенародно объявила о секуляризации церковных имений. Отобрание их в казну было подготовлено целым рядом предшествующих попыток русского

* Сборник ИРИО, т. VII, с. 101; ср. т. XIII, с. 370. «Осьмнадцатый век», изд. П. Бартевым, т. III, с. 390; ср. *Пыпин А.* Екатерина II и Монтескье, с. 299.

** *Montesquieu*. *Esprit des lois*, liv. XV, ch. 18. Наказ, ст. 260; та же мысль о различии «покорностей» или «неволи» выражена и в «Начертании», но оценка их здесь менее определена; см. ПСЗ, XVIII, № 13095.

правительства и входило в программу, предложенную Вольте-ром, что, конечно, побудило императрицу и давало ей основание, не откладывая, приступить к осуществлению такой меры, в сущности имевшей преимущественно фискально-полицейский характер. Секуляризация духовных имений, конечно, выгодно отразилась на положении почти миллиона сельского населения, которое стало приравняться к государственным крестьянам, но она не внесла ничего нового по существу в крепостнические отношения, царившие на остальных владельческих землях*.

Императрица Екатерина II хотела воздействовать на них другим путем, а именно, путем одного только ограничения крепостного права; под влиянием просветительных начал своего времени, а также ввиду политических соображений, она стремилась ослабить его и «положить границы» власти помещиков относительно их крестьян.

В самом деле, еще до обнародования Наказа императрица Екатерина II попыталась осуществить преимущественно те из своих предположений об ослаблении «домашней тирании», начала которых были вслед за тем указаны в печатном его тексте. Во время своего путешествия в Прибалтийском крае сама она заметила, «в каком великом угнетении живут лифляндские крестьяне», и вызвала известные правила ограничения помещичьей власти, поставленные лифляндским ландтагом и опубликованные 12 апреля 1765 года; но его правила могли иметь только местное значение, да и не оказали большого влияния даже на положение лифляндских крестьян**. С аналогичной

* ПСЗ, XVI, № 12060; вслед за указом 26 февраля о секуляризации церковных имений в Великороссии и Сибири, в 1786 и 1788 гг. появились указы, распространившие ее на губернии: Киевскую, Черниговскую и Новгород-Северскую, а также Курскую, Воронежскую, Харьковскую и Екатеринославскую; см. ПСЗ, XXII, № 16375, 16649 и 16650. См. еще: *Завьялов А.* Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. СПб., 1900, с. 123 и след.; о крестьянских волнениях в имениях духовенства см. там же, с. 125 и след. Следует заметить, что императрица, вероятно, опасавшаяся возможных со стороны духовенства нареканий, почти не произвела пожалований из экономических крестьян, о чем см.: *Семевский В.* Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II. СПб., 1906, с. 26—28 (см. в наст. издании. — *Сост.*).

** *Семевский В.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, 2-е изд., т. I, гл. 2; впрочем, между Наказом и правилами ландтага можно заметить и отличия; они отчасти объясняются разными задачами, какие преследовались при их составлении.

точки зрения вопрос об ограничении крепостного права был затронут и в большой комиссии, созванной для составления проекта нового уложения; но прения депутатов показали, насколько трудно было законодательным путем «положить границы» помещичьей власти. На заседаниях большой комиссии, куда владельческие крестьяне были лишены возможности прислать своих депутатов, представители разных слоев общества, вопреки «плачу холопов»*, старались добиться права владеть крепостными; значительное большинство дворян, в том числе и люди с известным образованием, признавали крепостное право явлением более или менее нормальным, согласным с монархической формой правления и «расположением народа», или не считали возможным обойтись без него; они недоверчиво относились к крестьянской свободе; они указывали на опасность «вкоренить в крестьян умствование равенства» и на то, что лишь тогда, когда низший класс будет просвещен, он будет достоин свободы, но и в таком случае они не знали «откуда взять земли», на которые крестьяне могли бы получить право собственности; далее, они вообще идеализировали свои отношения к крестьянам и, в частности, думали, что положение их достаточно обеспечено интересом, какой владельцы имеют в поддержании их благополучия; они считали, наконец, вмешательство государственной власти в отношения свои к крепостным оскорбительным нарушением своих привилегий и вредным для государственного «благоденствия и спокойствия»**.

Под влиянием настроения, обнаружившегося в комиссии, императрица Екатерина II должна была, конечно, сильнее почувствовать и те затруднения, которые лежали на пути осуществления предполагаемого ею ограничения крепостного права; вместе с тем занятия большой комиссии были прерваны турецкою войной, временно отвлекшей внимание государыни от внутренних реформ. При таких условиях она еще раз изменила постановку крестьянского вопроса: вместо того, чтобы устанавливать пределы помещичьей власти, она предпочла суживать сферу применения крепостного права, что отчасти могло быть

* «Плач холопов прошлого века», изд. Н. Тихонравовым в сборнике «Почин» на 1895 г., с. 11—14; здесь, между прочим, холопы жалуются на то, что «бояре в свою ныне пользу законы переменяют, холопей в депутаты за тем не выбирают».

** Сборник ИРИО, т. X, с. 85—86 и мн. др. Сп.: *Coxe W. Travels etc.*, pt. II, p. 117: «An almost general peajudice seams at present to prevail with respect to the incapacity of the presants for receiving their liberty».

вызвано также ее желанием образовать «третий род людей» (*tiers état*) и, разумеется, было гораздо легче осуществить в законодательстве: она попыталась преимущественно сократить источники крепостного состояния, но оставила без существенных перемен способы его прекращения*.

В своем Наказе императрица Екатерина II уже высказала правило «за исключением разве крайней государственной необходимости, избегать случаев, чтобы не приводить людей в неволю»**; хотя сама она не всегда соблюдала это правило, например, при пожаловании населенных имений, однако, все же во многих случаях, действительно, старалась провести его в жизнь.

С такой точки зрения государыня обратила особенное внимание, например, на один из самых опасных способов закрепощения, а именно, на добровольную или принудительную записку людей при ревизии за теми, кто хотел их «взять» и кто соглашался отвечать за их платежную исправность. Правительство попыталось ослабить принцип подобного рода прежде всего применительно к таким категориям случаев, которые легче было исключить из прежнего правила о записке. В высочайше утвержденном в 1763 году проекте воспитательного дома было постановлено, что воспитанные в нем лица обоего пола, их дети и потомки должны оставаться вольными и никому из партикулярных людей ни под каким видом закабалены или укреплены быть не могут; воспитанным в доме было даже запрещено вступать в брак с крепостными людьми². Впрочем, те же начала были отчасти приняты и относительно таких незаконнорожденных, которые не попадали в воспитательный дом. Уже в 1767 году, по поводу предложения слободско-украинской губернской канцелярии вернуться к прежнему порядку записки незаконнорожденных за теми, кто будет держать их у себя, Сенат приказал «написанием» их в оклад за такими лицами «обождать» впредь «до генерального о том учреждения»; кроме того, в 1783 году велено было незаконнорожденных от свободных матерей причислять к государственным селениям, заводам и промыслам по рассмотрению казенных палат и по их собственному желанию, а в установлении о сельском порядке в казенных имениях 1787 года разрешено незаконнорожденных, не приня-

* Лаппо-Данилевский А. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России // Крестьянский строй. СПб., 1905, т. I, с. 101—105 и др.

** Памятники русского законодательства, № II: Наказ, с. XXX, XXXIV; ст. 253.

тых их матерями «на воспитание», отдавать тем, кто пожелает принять их, но только на «определенные лета». Почти в то же время стремление ограничить значение записки обнаружилось и относительно малолетних сирот. В инструкции слободскому губернатору 1765 года встречается следующее правило: отдавать малолетних совершенных сирот, не имеющих пропитания, тому из «тамошних жителей», кто пожелает, но не иначе, как до двадцатилетнего возраста, а если воспитатель обучит ремыша какому-нибудь мастерству, то и до тридцати лет. Вслед за тем в 1775 году была принята еще одна мера относительно сирот, оставшихся после родителей без пропитания: приказы общественного призрения должны были заботиться о них; вышеприведенная статья из установления о сельском порядке 1787 года относилась и к малолетним сиротам, лишенным пристанища; значит, они уже не записывались в вечную крепость за своими воспитателями и, после известного срока, могли пользоваться правами, предоставленными вольноотпущенным, что и было разъяснено одним из позднейших указов*. Аналогичные постановления были сделаны и относительно безместных церковников. Уже в 1766 году было предписано «излишних», оставшихся за распределением к церквям по разбору 1754 года и праздноживущих церковников, даже тех, которые были записаны в оклад в том же 1766 году, выключить из оклада, причем годных взять в военную службу, а также в денщики, погонщики и т. п., об остальных же неспособных ни к какой службе, и «сколько при них женска пола», прислать особые ведомости в Сенат; указ о разборе 1769 года уже не содержит повеления о записке безместных церковников, не взятых в солдаты, за помещиками, а после учреждения о губерниях они охотно принимались на канцелярские должности, еще позднее в учителя народных школ и т. п.** Следовательно, правило о записке потеряло прежнее значение относительно вышеуказанных разрядов незаконнорожденных и малолетних сирот, а также без-

* ПСЗ, XVI, № 11908, гл. VI, п. 4 и 5; XVII, № 12430, п. 6; XVIII, № 12987, п. 2; XX, № 14392, ст. 380, 385; XXII, № 16603, отд. IV, ст. 8—9; XXXIII, № 25947, п. 6. В 1764 г. было также запрещено всем и каждому, каким бы то ни было образом, записывать и утверждать себе в крепостные художников, мастеров, получивших воспитание в Академии художеств, их детей и потомков (см.: ПСЗ, XVI, № 12275; ср. еще: Там же, XII, № 9250).

** ПСЗ, XVII, № 12586 (судя по контексту, указ относился и к детям излишних церковников); XVIII, № 13236; ср.: *Знаменский П.* Приходское духовенство и проч., с. 296 и след.

местных церковников; но такая перемена могла произойти и под влиянием общего принципа о незаписке вольных людей, получившего сравнительно более позднюю формулировку.

Впрочем, императрица Екатерина II уже в 1775 году высказала это правило, но только в более частном виде, применительно к вольноотпущенным. Согласно с одной из не обнародованных статей Наказа, она манифестом от 17 марта, действительно, дозволила всем вольноотпущенным «ни за кого не записываться»; им было предоставлено добровольно избирать для себя или мещанское (а также купеческое) состояние или род государственной службы; тогда же было разъяснено, что присутственным местам запрещается укреплять за кем-либо таких людей, «несмотря на объявленное иногда собственное желание их». Наконец, в 1783 году, в именном указе от 20 октября, императрица придала тому же правилу общее значение: она велела применять его к «разных народов вольным людям» вообще, «без изъятия рода и закона» *.

При производстве ревизии 1781—1782 годов большинство вышеизложенных правил уже было принято во внимание. Правительство желало произвести ревизию «со всевозможною выгодностью для народа» и поручило нижним земским судам, в случае неисправности и подозрения в утайке, свидетельствовать поданные им сказки о численности населения в уездах; освидетельствование же ведомостей, составленных нижними судами, было вменено в обязанность казенным палатам, а в тех губерниях, где учреждения 1775 года не были еще введены, губернским канцеляриям **. Такой надзор несколько обеспечивал применение новых правил относительно людей, не подлежавших вечному укреплению, и, может быть, облегчил введение последовавших за ним узаконений 1783—1787 годов.

Почти одновременно с ослаблением значения «записки» императрица Екатерина II содействовала и тому, что плен перестал служить источником крепостной зависимости, если военнопленные, какой бы они веры и закона прежде не были, принимали православие; по принятии ими «православного закона» велено было объявлять их вольными людьми и предоставлять им изби-

* ПСЗ, XX, № 14275, п. 46; № 14294, п. 11; № 15070; XXI, № 15277, п. 3; № 15278, п. 11 и № 15853; в указе 20 октября нет слов: «несмотря на... желание их»; XXII, № 16188 (Городовое положение, ст. 79).

** ПСЗ, XXI, № 15278, п. 7; № 15405, п. 22.

рать такой род жизни, какой они сами заблагорассудят; впрочем, вышеизложенное правило получило окончательную и общую формулировку лишь в именном указе от 19 ноября 1781 года*.

В царствовании императрицы Екатерины II и некоторые способы сообщения крепостного состояния подверглись ограничениям: известное правило, согласно которому дети крепостных признавались также крепостными, правда, сохранило прежнее свое значение; но брак, в качестве такого именно способа, подвергся довольно существенным ограничениям.

Старинное правило «по робе холоп...», например, потеряло силу применительно к случаям, когда питомец воспитательного дома, вопреки запрещению, вступал с крепостною в брак, устроенный «каким обманом» (1763 г.), а также к воспитанникам Академии художеств или, надо думать, и к их потомкам (1764)³; все люди, которые были отпущены своими помещиками с отпускными на волю, били челом в вечное услужение к другим помещикам и поженились на их крепостных, но по их прошению до манифеста 1775 года решения не учинено и выписей о укреплении для владения ими не дано, были признаны свободными вместе с их женами (1780 г.)⁴; военнопленным, захваченным в Польше, но оставшимся в России, по принятии ими православного закона с женами их, «хотя бы они и на крепостных чьих-либо женщинах или девках женаты были», также велено было дать свободу (1781 г.)⁵. В вышеприведенных случаях брак с крепостной не только не сообщал вольному человеку крепостного состояния, но и его жену освобождал от такого состояния; впрочем, в некоторых случаях это освобождение было поставлено в некоторую зависимость от уплаты выводных денег помещику (законы 1763 и 1780 гг.). Следует заметить, однако, что обратное правило: «по холопу раба», на соблюдении которого настаивали некоторые депутаты большой комиссии, подверглось лишь ничтожным ограничениям: оно было лишено силы

* ПСЗ, XIX, № 13450; XX, № 14444; XXI, № 15282. В том же году Сенат подал доклад государыне о польских военнопленных, находящихся в Казанской губернии: они восприняли православие, но, по их желанию, были отданы в вечное услужение разным помещикам, а затем просили свободы от них; 28 июля императрица повелела, в сходство указа от 10 января 1773 года, «всем таковым пленным, оставшимся в России, по принятии православного нашего закона с женами их, хотя бы они и на крепостных чьих-либо женщинах или девках женаты были, с детьми их быть свободными» (см.: ПСЗ, XXI, № 15198).

по отношению к воспитанницам, выпускаемым из воспитательного дома и из мещанского училища при Воскресенском монастыре; в отличие от воспитанниц воспитательного дома, воспитанная в мещанском училище, в случае выхода замуж за крепостного, по крайней мере, при согласии помещика на такую именно женитьбу, могла даже сообщить своему мужу свободное состояние*.

Итак, можно сказать, что императрица Екатерина II несколько сузила способы установления и сообщения крепостного состояния; но она не сделала почти никаких перемен в способах его прекращения; хотя она и склонялась к тому, чтобы в «сомнительных случаях решать дела в пользу воли»**, однако, воздержалась от решительных мер, может быть, ввиду того, что нововведения подобного рода гораздо больше затронули бы интересы дворянства и что владельцы в то время злоупотребляли отпуском на волю, избавляясь таким образом от содержания своих людей и крестьян, «приведенных ими по разным случаям в сущее бессилие», и от уплаты за них податей.

Способы прекращения крепостного состояния по воле владельцев, действительно, остались почти в прежнем виде: хотя, например, пошлины с явки отпускных на людей, отпускаемых на волю, были упразднены, но самый отпуск крестьян на волю и размеры выкупа продолжали зависеть от воли владельца***.

Способы прекращения крепостной зависимости по закону также остались без существенных перемен:**** сохранив прежние принципы, регулировавшие выход из нее, правительство попыталось лишь несколько лучше воспользоваться некоторыми из них. В числе обычных способов подобного рода, напри-

* ПСЗ, XVI, № 11908, гл. VI, п. 5; № 12275 (с. 950); XX, № 15070; XXI, № 15198 и 15282; ср. еще: VI, № 3697 и XIV, № 10233, п. 21.

** Гос. архив, X, 19, л. 382; здесь в своих заметках, Екатерина II писала: «во всех случаях, где сумнительно, вольной ли или невольной, то надлежит решить в пользу воли, и уже никто не может на волю отпущенного крепить».

*** ПСЗ, XX, № 14625; манифест 1777 года, июня 28, п. 8.

**** Семевский В. Крестьяне и проч., т. I, с. 386, 387, 400 и след.; отметим: восприятие православия, если владелец не христианского закона; возвращение из плена; нарушение помещиком указов, повелевавших ему содержать своих крепостных во время голода; поступление крепостного в военную службу по рекрутскому набору, и ссылку его в Сибирь на поселение по требованию помещика с зачетом в рекруты; по закону в обоих последних случаях крепостные освобождались вместе с женами.

мер, поступление в военную службу по рекрутскому набору, весьма тяжелое, впрочем, для населения, продолжало играть довольно видную роль: крестьяне, отданные в рекруты, должны были вместе с их женами «быть свободными от помещиков»; но инструкция пехотного полка полковнику 1764 года содержит еще дальнейший вывод из этого правила, а именно, постановление о том, что и дети, родившиеся за время службы их отцов, «яко солдатские дети», должны быть «определяемы в силу указов»; инструкция конного полка полковнику 1766 года формулирует то же правило яснее: такие дети должны быть «определяемы в школы в силу указов» *. В связи с стремлением расширить способы выхода из крепостной зависимости можно, пожалуй, отметить одно из постановлений, касавшихся предоставления свободы, в случае особенных преступлений владельца, а именно, указ 1763 года, о подаче рекрутских сказок; в сущности он не был нововведением, но без прежних ограничений представлял свободу прописным людям, которые сами явятся в судебные места и докажут, что они были утаены помещиком. В то же время и способ прекращения крепостной зависимости, путем обращения крепостных людей в распоряжение правительства, несколько шире применялся особенно в тех случаях, когда правительство предоставляло, при соблюдении некоторых условий, крепостным, «самовольно отлучившимся из отечества», и беглым из-за помещиков, свободу селиться на окраинах, с зачетом их в рекруты и т. п. или когда оно прибегало к превращению крепостных в мещан путем покупки некоторых селений у владельцев **.

Итак, можно прийти к заключению, что императрица Екатерина II остановилась касательно крепостных на довольно скромных начинаниях: вместо того, чтобы постепенно освободить помещичьих крестьян или ограничить крепостное право, она, главным образом, несколько стеснила способы закрепощения, почти не расширив способы прекращения крепостной зависимости; между тем последнее, с точки зрения, не чуждой императрице в начале ее царствования, казалось, всего более заслуживало ее внимание: сама она, до вступления своего на

* ПСЗ., XVI, № 12289, гл. II, п. 6; XVII, № 12543, гл. II, п. 6; ср.: *De Passenans P. La Russie et l'esclavage. Paris. 1822, t. I, p. 102.*

** ПСЗ, XVI, № 11755, п. 3; № 11815; XX, № 14870; ср. № 14937; XXII, № 16281, п. 3; Сборник ИРЮ, т. X, с. 10; ср. еще: Там же, т. XLII, с. 440—441 и выше, с. 170. См. еще: *Blum K. Ein russischer Staatsmann. Bd. II. S. 359b, 360b, 365.*

престол, мечтала о том, что можно было бы уничтожить крепостное право, объявляя при продаже имения новому владельцу крестьян (записанных за прежним его владельцем) свободными; а от позднейшего времени сохранилось известие о проекте закона, в силу которого все дети крепостных, рожденные после 1785 года, должны были получить свободу *. В действительности, однако, императрица Екатерина II предпочла скорее ограничить источники крепостной зависимости, чем расширить способы ее прекращения.

Вообще принятые ею меры имели довольно мало значения; оно умалялось еще тем, что эти меры очень плохо прививались **.

Таким образом, императрица Екатерина II сузила сферу применения крепостного права, но оставила разнородную сущность крепостного строя без коренных изменений; вопреки ожиданиям самих крестьян, она даже усилила крепостное право и способствовала дальнейшему его распространению.

В самом деле, императрица Екатерина II не была в состоянии привести в согласованную систему те противоречивые элементы, которые входили в состав крепостной зависимости, благодаря скорее фактическому, чем юридическому ее развитию: в то время владельческий крестьянин отчасти продолжал оставаться субъектом прав, но оказывался вместе с тем и объектом прав.

Сама составительница Наказа, конечно, ценила «всеобщих питателей» — «земледельцев» и сознавала вредные для государства последствия их «порабощения»; с такой точки зрения государыня не желала лишить владельческого крестьянина всех его прав: согласно прежним, но и теперь не отмененным узаконениям, он продолжал признаваться в законе отчасти субъектом прав. В известной мере охраняя его жизнь, закон признавал за ним, например, право на вознаграждение за бесчестье и увечье, одинаковое с тем, какое было назначено для казенного крестьянина, право самого себя искать и отвечать на суде, право быть свидетелем на суде, впрочем, ограниченное воинским уставом; в области имущественных прав закон, в отмену прежнего указа, допустил его к винному откупу, в случае, если «надежный» помещик поручится за него в исправном пла-

* Сборник ИРИО, т. VII, с. 84.

** *De Passenans P.* La Russie et l'esclavage. T. I, p. 83—84; t. II, p. 61 и др.

теже денег*. Крепостной осуществлял, однако, свои права часто лишь в зависимости от благоусмотрения помещика; имея «собственность, не законом утвержденную, но всеобщим обычаем», «подданный» помещика мог, конечно, с его же дозволения обладать, пользоваться и распоряжаться имуществом, вступая в сделки, в сущности далеко не всегда обеспеченные законом; он мог даже купить на имя своего господина крепостных, фактически обладая ими и даже населенным имением, или записаться, с его разрешения, в купечество и т. п.; но и в только что перечисленных, и в остальных проявлениях своей деятельности владельческий крестьянин всегда мог почувствовать гнет помещичьей власти, даже в тех случаях, когда он пользовался организацией крестьянского мира, или теми, впрочем, весьма скудными и редкими улучшениями, какие помещик вздумал бы ввести в «благочиние» и «благоустройство» своего имения**.

Вообще очень мало выяснивши права крепостных, императрица Екатерина II, разумеется, обратила больше внимания на их государственные обязанности, состоявшие, главным образом, в уплате подушной подати и отбывании рекрутской повинности; но, отправляя их в качестве членов государства, крестьяне все же продолжали чувствовать свою зависимость от владельцев, обязанных, под страхом некоторой ответственности, наблюдать за тем, чтобы они аккуратно вносили подати и «точно исправляли» другие повинности***.

Таким образом, императрица Екатерина II могла, конечно, ссылаться на то, что владельческие крестьяне остаются по закону наделенными некоторыми правами и отправляют подат-

* Сборник ИРИО, т. X, с. 153; ПСЗ, XIX, № 14123; ср.: Там же, XXII, № 16188, ст. 24, п. 23; № 16535; *Семевский В.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, с. 381 и след.

** ПСЗ, XX, № 14632; впрочем, сбор с покормежных печатных паспортов еще указом от 15 декабря 1763 года был значительно повышен (за паспорт на год и меньше с 2 коп. на 10, а за 2—3 года — по 50 коп. и 1 руб.), что должно было стеснять передвижения населения; см.: ПСЗ, XVI, № 11988, п. 10; *Семевский В.* Крестьяне и проч., т. I, с. 260—301, 340 и след.

*** ПСЗ, XVII, № 12522; XVIII, № 13300, п. 6; при неуплате недоимок в течение года указ 1769 года требует, чтобы имение помещика бралось во временный секвестр; а в случае, если недоимки не покроются из его доходов и если он служит, даже вычитать половину его жалованья; исключение было сделано лишь для состоящих в службе в воинских чинах ниже «штаба» и для находящихся «ныне» (1769) при армиях в походах; ср. еще п. 8.

ные обязанности и что они подлежат общей подсудности в уголовных преступлениях, в смертных убийствах, разбоях, воровствах и побегам *; тем не менее, она не избежала того, что право владеть крепостными во многих отношениях превращало государственных подданных в помещичьих «подданных» и стало близко подходить к праву частной собственности.

В самом деле, с той сословно-политической точки зрения, которой императрица Екатерина II придерживалась, она не могла ослабить привилегии дворянства, а значит, и его «посредствующую власть» между «верховною властью и народом»: сама государыня напоминала дворянству, что его «благодарность, отличность и знатность перед народом истекает от единой существенной надобности неперменного содержания оного в порядке» **; но, продолжая подчинять крестьян помещикам, она все более превращала их из граждан в помещичьих «подданных»: помещик был «законодателем, судьей, исполнителем своего решения и, по желанию своему, истцом, против которого ответчик ничего сказать не мог», а подвластный ему крестьянин чаще всего оказывался «в законе мертвым, разве по делам уголовным»; впрочем, и по таким делам он легко ускользал из-под власти правительства ***.

Преимущественно с той же сословно-политической точки зрения императрица Екатерина II готова была даже усилить меры, обеспечивающие «беспрекословное повиновение» крестьян своим помещикам: она расширила карательную власть господина над его крепостными. Указом от 17 января 1765 года государыня дозволила ему за «продерзости», т. е., значит, помимо колонизационных целей, отсылать своих «людей» на ка-

* ПСЗ, XVIII, № 13373; XIX, № 13758 и 13951. Можно думать, однако, что закон относительно кражи применялся лишь в том случае, если потерпевший не был крепостным того же помещика; ср.: *Семевский В.* Крестьяне и проч., т. I, с. 190.

** Сборник ИРИО, т. XIII, с. 423, 426; в рескрипте А. И. Бибикову императрица употребила те же выражения, но вместо слов: «неперменного содержания» написала: «неперменного содержания и обуздания»; см.: Там же, с. 369.

*** *De Passenans P.* La Russie et l'esclavage. Т. I, р. 89, 92. Автор «Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам и проч.» пишет, между прочим, что владельцы «обязаны платить выти за разбой, грабежи, кражи и наглости и за владение земель, учиненное их крестьянами»; впрочем, в действительности такой платеж, вероятно, перелagался на тех же крестьян: см.: Чтения в Московском обществе истории и древностей, 1861, кн. III, с. 133.

торжные работы, «на толикое время, насколько он захочет», и брать их обратно, когда пожелает, причем суд «не мог даже спросить его о причине ссылки и исследовать дело» *; она также подтвердила право помещика ссылать своих дворовых людей и крестьян в Сибирь на поселение с зачетом в рекруты и в любое время отдавать их в рекруты **; в учреждении о губерниях она еще предоставила помещику право требовать заключения, на своем содержании, крепостного в смиренный дом, но прописав причину, по которой он ссылается туда ***. По поводу дела вдовы генерал-майора Эттингера сама императрица, правда, указала на то, что «власть судейская должна быть охраняема от особенных вступлений в оной» помещиков по делам, которые (подобно, например, воровству и побегам) не подлежат домашнему следствию и наказанию, причем выразила пожелание, чтобы комиссия, составлявшая проект нового уложения, «сделала положение, что с такими чинить, кои суровость против человека употребляют»; но, несмотря на заявление юстиц-коллегии, уже указавшей на то, что нет точного закона «относительно тех случаев, когда крепостные вскоре помрут» после жестоких наказаний и побоев, императрица не настояла на осуществлении своего намерения и, вместо издания закона, ограничилась тем, что поручила наместникам «обуздать излишества, беспутство, мотовство, тиранство и жестокости» ****. Вместе с тем, однако, указом от 22 августа 1767 года, утвердив доклад Сената, государыня уже запретила крепостным, под страхом сурового наказания, подавать «недозволенные на помещиков своих челобитные, а наипаче в собственные

* ПСЗ, XVII, № 12311; ср.: Там же, № 12748; Генерал<ьное> учреждение о рекрут<ском> наборе, п. 24. Указ 23 февраля 1773 г. постановил «написание в солдаты» помещичьих крестьян, виновных в краже ниже 20 руб., предоставлять на волю их помещиков, «хотят ли с зачетом себе отдавать в рекруты или нет» (см.: ПСЗ, XIX, № 13951).

** ПСЗ, XVII, № 12556 (впрочем, правительство предоставило себе право из ссылаемых определять годных в драгунскую службу); № 12557; о временной приостановке действия этих указов см.: *Семевский В.* Крестьяне и проч., т. I, с. 186 и след.; указ 1787 г. требовал, чтобы помещики при ссылке своих дворовых людей и крестьян все же соблюдали указ 1760 г., декабря 13; см.: ПСЗ, XXII, № 16602; ср. еще XVII, № 12748, Генерал<ьное> учрежд<ение> о рекрут<ском> наборе, гл. I, п. 13.

*** ПСЗ, XX, № 14392, ст. 391.

**** Там же, XIX, № 13516 и 13758.

ее руки», хотя сама знала, конечно, случаи пристрастных допросов и тяжких наказаний, каким они иногда подвергались *.

Вышеприведенными указами императрица Екатерина II не столько прямо ограничивала права или увеличивала обязанности владельческих крестьян, сколько предоставляла относительно больший простор помещичьей власти; благодаря ее развитию, крепостное право, издавна связанное с рабовладением, стало все более приравняться к праву частной собственности.

Такое понимание крепостного права оставалось, правда, без точной формулировки в законе, и сама императрица, кажется, нигде не высказала его; но в ее время оно, видимо, уже пользовалось некоторым признанием, а затем проникло и в законодательство. Сторонние наблюдатели русского общественного строя, например, не раз утверждали, что крепостные, или «рабы», составляют частную «собственность их господ, от которых они вполне зависят», и указывали только на некоторую неопределенность понятия об объекте такого права: «на крепостных, по их словам, смотрят иногда как на недвижимую собственность, а иногда и как на собственность движимую»; с последней точки зрения они принадлежат своим владельцам в том же смысле, в каком и хозяйственный инвентарь или стада домашних животных признаются их собственностью **. Такое же понимание крепостного права отразилось и в одном из позднейших указов: устанавливая правила взыскания казенных и партикулярных долгов лично с должников и «из их имения», сенат в указе 7 октября 1792 года, между прочим, заявил, что «крепостные владельческие люди и крестьяне заключаются и должныствуют заключаться в числе имения» и что на них «по продажам от одного к другому и купчие пишутся и совершаются у крепостных дел... так, как и на прочее недвижимое имение» ***.

Следовательно, можно сказать, что закон давал основание приравнивать крепостных чуть ли не к хозяйственному инвен-

* ПСЗ, XVIII, № 12966; ср.: *Семевский В.* Крестьяне и проч., т. I, с. 370—379.

** *Chappe d'Auteroche.* Voyage en Sibérie. Paris, 1768, t. I, p. 125—126; *Tooke M.* Histoire de l'empire de Russie, éd. 1801, t. III, p. 257; *Coxe W.* Travels etc., v. II, p. 96, 111; *Richardson W.* Anecdotes of the Russian Empire. London, 1784, p. 193; *Burja A.* Observations etc., 1785, p. 18; *De Passenans P.* La Russie et l'esclavage, t. I, p. 79 и др.

*** ПСЗ, XXIII, № 17076; впрочем, указ 7 октября состоялся по поводу продажи «описных без земли», т. е. безземельных крестьян за долги их владельцев.

тарю, составлявшему принадлежность имения. С подобной точки зрения естественно, например, что и до появления вышеуказанной формулы закон уже утверждал за помещиком целый ряд прав, проистекавших из такого понимания крепостной зависимости. Закон признавал, например, за помещиком право распоряжаться своими крестьянами, и императрица Екатерина II почти ничего не сделала для того, чтобы ослабить его; напротив, сама она дарила деньги своим приближенным для того, чтобы они могли «приторговать» себе крестьянские души *. В ее царствование можно было покупать или продавать крепостных с землею и без земли, целыми семьями или порознь, на месте или на площади, что уже сами современники называли «сущим невольничеством». В своей жалованной грамоте дворянству, вообще расширившей его имущественные права, государыня предоставила ему право «покупать деревни» **; даже относительно права продавать крепостных, которое многие из дворянских депутатов готовы были несколько ограничить, запретив продажу их порознь с разлучением семей, она не решилась обнародовать общий закон: собственноручно писанным указом она только повелела «конфискации и всем аукционистам» «одних людей без земли с молотка не продавать», что истолковано было Сенатом в том смысле, чтобы «людей без земли (т. е. безземельных) не продавать с молотка», а не чтобы «вовсе их не продавать» ***; она также запретила продавать людей в рекруты; но такое запрещение сводилось лишь к тому, что купчие на крестьян нельзя было совершать со времени публикации указа о наборе в тече-

* Сборник ИРИО, т. XIII, с. 298.

** ПСЗ, XXII, № 16187; Жал<ованная> грам<ота> дворянству, ст. 26.

*** Сборник ИРИО, т. XIII, с. 143; записка императрицы С. Козьмину, напечатанная в т. XLII, с. 345, вероятно, относится к тому же делу; ПСЗ, XIX, № 13634 (этот указ, между прочим, был послан канцелярии и конторе конфискации, но в указе императрицы главной дворцовой канцелярии речь идет только о конторе); XXIII, № 17076. Толкование Сената возникло по поводу разрешения им продажи и «описных без земли», т. е. безземельных крестьян нескольких владельцев за долги последних, причем Сенат предписал продавать их людей, принимая от допущенных «к торгу» цены их «на письме», значит, без употребления молотка; последующий указ императора Павла I от 16 февраля 1797 года, может быть, и намекает на такую форму торга по запискам, настаивая на правиле — дворовых людей и крестьян без земли не продавать с молотка «или с подобного на сию продажу торга» (см.: ПСЗ, XXIV, № 17809; ср. XX, № 18353).

ние трех месяцев*. В остальные права, предоставленные крепостникам, даже в очень тягостные для крестьян права владельцев влиять на вступление их в брак, перечислять их в дворовые и бесконтрольно эксплуатировать их труд императрица Екатерина II не внесла и таких ограничений: она почти не стеснила господских прав и оставила обязанности крепостных относительно их «государей» чуть ли не в полной зависимости от обычая или от их усмотрения.

При столь широких и вместе с тем мало определенных правах помещик, за исключением разве права казнить крепостного смертью, мог располагать его личностью и имуществом, «обладая им, как скотом» и не давая ему «власти над тем, что он наживет», если только крестьянину не удавалось бежать или спрятать то, что он скопил, подальше от господских глаз; сама императрица характеризовала такой «порядок» следующими словами: «землевладелец, кроме смертной казни, делает в своем имении все, что ему заблагорассудится»**.

Власть помещика над его крестьянами разрасталась, значит, и благодаря тому, что он не был стеснен в отношении к ним почти никакими обязанностями; хотя сама императрица Екатерина II, по случаю «заразы Пугачевского злодейства», напоминала дворянству о них, однако не много сделала для того, чтобы точнее установить их: с 1762 года она не раз подтверждала старинное правило, в силу которого помещик должен был кормить и содержать своих крестьян во время голода, и пыталась удержать его от разорения и мучительства своих подданных под страхом попасть в опеку, быть «обузданным» наместником или подвергнуться другому наказанию; но меры подобного рода слишком мало достигали цели и редко осуществлялись в действительности***.

Таким образом, ограничив объем понятия о крепостном праве, императрица Екатерина II, в сущности, усилила его содержание: исходя из рассуждений о «свободе — душе всех вещей»,

* ПСЗ, XVII, № 12748; Генерал<ьное> учрежд<ение> о рекрут<ском> наборе, гл. I, п. 1; ПСЗ, XVIII, № 13103; ср.: Там же, № 13287.

** *Coxe W. Travels etc.*, v. II, p. 155; Русский архив, 1880, № 3, с. 6—7.

*** Сборник ИРИО, т. X, с. 153—154; т. XXVII, с. 122; ПСЗ, XIX, № 13767; XX, № 14392; Учрежд<ение> о губ<ерниях>, гл. IV, ст. 84; Сборник ИРИО, т. XXI, № 15603 и др.; «Осьмнадцатый век», изд. П. Бартенева, т. I, с. 175; *De Passenans P. La Russie et l'esclavage*, t. I, p. 81, 93; ср.: *Семевский В.* Крестьяне и проч., т. I, с. 216—229, 379—381.

она пришла к тому, что в своем законодательстве чуть ли не приравнивала крестьянскую душу к «бездушным вещам»; не обеспечив прав крепостного, императрица не могла оградить его и от злоупотреблений со стороны помещика, доводивших его иногда до полной утраты его «гражданского звания», а, иногда и до отчаяния.

Составительница Наказа впала еще в одно противоречие: она высказала правило «избегать случаев, чтобы не приводить людей в неволю», но сама же отказалась от его соблюдения; не приостановив процесса усиления крепостного права в Велико-россии, она способствовала дальнейшему его распространению частью на такие группы населения, положение которых по закону отличалось от положения крепостных, частью и на новые области государственной территории, где оно до того времени еще не успело утвердиться.

Закон проводил, например, довольно строгое различие между крепостными и людьми, прикрепленными к тем частно-владельческим фабрикам, которыми владели на «посессионном» праве; хотя такие люди, главным образом, крестьяне, получившие название «посессионных», пользовались некоторыми преимуществами сравнительно с крепостными, и в состав их, после указа от 29 марта 1762 года, должны были входить «вольные наемные за договорную плату люди», а не купленные, в действительности с ними часто обращались, как с крепостными*.

Крепостной строй не мог не коснуться и той части крестьян, которые по закону были свободны от крепостной зависимости, а именно крестьян государственных, число которых значительно увеличилось по секуляризации имений духовенства и по присоединении к ним однодворцев (1764 г.), а также некоторых второстепенных разрядов населения. Государственные крестьяне, правда, оставались относительно свободными; в одной из своих собственноручных заметок императрица выразила даже намерение «освободить всех государственных, дворцовых и экономических крестьян, кой час положение будет сделано, как им быть»; но полного их «освобождения» не последовало; напротив, и они принуждены были испытывать на себе некоторое

* ПСЗ, XVI, № 11638; один указ 1763 г. запретил владельцам посессий «препятствовать женскому населению их фабрик выходить замуж, за кого они хотят, хотя бы за лиц совершенно посторонних» (см.: *Семевский В.* Крестьяне и проч., т. I, с. 479, 480—482 и др.).

влияние крепостных порядков. Помимо того, что казна, главным образом, в виду фискальных целей, стала стеснять их права распоряжения на землю и что казенные чиновники, заведовавшие ими, переносили крепостнические привычки и на людей, которыми они не владели на крепостном праве*, начала его получали к некоторым из них особого рода применение: государственные крестьяне отчасти служили контингентом для образования класса «приписных» к заводам и для пожалования. Приписные из казенного ведомства, в особенности к горным заводам, перешедшим вместе с ними в частное владение, попадали в тяжелую фактическую зависимость от владельцев**, а пожалованные становились, конечно, крепостными тех, кому они были пожалованы***. Впрочем, в царствование императрицы Екатерины II, вскоре после волнений крестьян, приписанных к уральским заводам, приписка государственных крестьян к частным заводам прекратилась, и многие частные горные заводы были возвращены в казну; известный манифест от 21 мая 1779 года и некоторые другие указы также содействовали улучшению быта крестьян, приписанных из ведомства казенного к казенным и частным заводам****; но число пожалований возрастало и, несмотря на предположение императрицы оставлять «мужиков» жалующимся деревень «вольными», они продолжали попадать, таким образом, в частную зависимость от владельцев*****.

Сфера влияния крепостного права не ограничивалась, однако, тем, что оно затронуло государственных крестьян: благода-

* *Coxe W. Travels etc., v. II, p. 111*; здесь автор называет их «petty tyrants». Сама Екатерина II работала над проектом об устройстве свободных сельских обывателей, в силу которого, между прочим, никто из поселян не мог быть наказываем иначе, как по приговору суда, составленного из избираемых самими поселянами лиц; но проект не был приведен к осуществлению (см.: Сборник ИРИО, т. XX, с. 467).

** *Семевский В.* Крестьяне и проч., т. II, с. 361—399.

*** Сборник ИРИО, т. VII, с. 108—110; т. XLII, с. 472, 477—478, 478—482 и др.; см.: *Семевский В.* Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II (см. также в наст. издании); судя по вычислениям автора, императрица Екатерина II раздала «приблизительно 425 000 душ м. п. или около 850 000 душ обоего пола»; четвертая часть их досталась «случайным людям»; см. с. 18 и 46.

**** ПСЗ, XX, № 14878 и др.

***** Гос. архив, X, 19, л. 383; Сборник ИРИО, т. X, с. 32—33; т. XXVII, с. 174; Арх<ив> кн. Воронцова, кн. XIII, с. 354—356 и др.; *Семевский В.* Пожалования и проч., с. 56 и след.

ря некоторым указам императрицы Екатерины II, оно утвердилось и в новых областях. В 1775 году, например, белорусский генерал-губернатор подал Сенату рапорт о том, что во вверенных ему белорусских губерниях «между теми, кои имеют право пользоваться недвижимыми имениями, бывают продажи и разные крепостные сделки, посредством которых люди и крестьяне выводятся в другие смежные и отдаленные губернии»; ввиду того, что «белорусское шляхетство издавна не имело обыкновения продавать крестьян без земли» (за исключением разве крестьян, бежавших из России), такие сделки вызвали подозрение генерал-губернатора, не продают ли владельцы, под видом собственных крестьян, беглых из России; сообщая о своем подозрении в Сенат и указывая на то, что сделки подобного рода могли повести и к другим злоупотреблениям и затруднениям, генерал-губернатор предлагал до окончания предписанного правительством разбора бежавших и до будущего о них постановления, запретить продажу крестьян без земли «для вывода в Россию», дозволив ее «только внутри оных губерний». По рассмотрении доклада белорусского генерал-губернатора Сенат пришел, однако, к иному заключению: на том основании, что, «по опубликованному в Белоруссии плакату, жители тех губерний и владельцы, какого бы роду и звания они ни были, приняты в подданство ее императорского величества, и им дано право пользоваться теми же привилегиями, какими и все российское дворянство пользуется», он не считал возможным отнимать у них свободу в продаже людей без земли. Таким образом, право продавать людей без земли было распространено и на владельцев белорусских губерний, что соответственно усилило, конечно, крепостную зависимость от них белорусских крестьян*. Вскоре правительство утвердило ее и в малорусских губерниях. Малороссийские державцы давно уже стремились обратить крестьян в «вечных своих подданных» и успели выхлопотать себе известный универсал от 20 апреля 1760 года, который они называли «ордером о непереходе подданных с под владельца в другое владение». Русское правительство, привыкшее к крепостным порядкам, не замедлило уравнивать в данном отношении малороссийские губернии с великороссийскими: сама императрица Екатерина II считала сохранение автономии Малороссии «глупостью» и не сочувствовала крестьянским переходам, а при производстве переписи Румянцева «простой малороссийский народ», по словам одного современника, уже пришел к заклю-

* ПСЗ, XX, № 14376.

чению, «что ему больше ничего от того не следует, как только записанным быть в крепости по примеру великороссийских крестьян». Впрочем, известным указом от 3 мая 1783 года императрица Екатерина II, кажется, скорее имела в виду введение подушной подати в Малороссии, чем установление здесь крепостного права во всей его полноте; но ее повеление каждому поселянину в наместничествах киевском, черниговском и новгород-северском «остаться в своем месте и звании» естественно приводило к водворению крепостных порядков; само правительство признало малорусских крестьян также крепкими тем владельцам, на чьих землях ни были поселены и за кем они, в четвертую ревизию, были записаны; но продажа крестьян без земли не получила здесь окончательного признания; она была запрещена уже после смерти императрицы, указом ее преемника*. Процесс распространения крепостного права захватил, наконец, и южно-русские области: в том же указе 1783 года сельское население Слободской Украйны, уже вскоре по учреждении комиссии для преобразования слободских полков в особливую губернию в 1765 году, потерявшее право перехода, было приравнено к малороссийским владельческим крестьянам, а вскоре по смерти императрицы вышел указ, почти в тех же выражениях, что и указ 3 мая 1783 года, запретивший «своевольные переходы поселян с места на место» и на южной окраине; для того, чтобы «утвердить в вечность собственность каждого владельца» и поставить преграду к побегу крестьян «из самых внутренних губерний», указ 12 декабря 1796 года распространил крепостные порядки на губернии: Екатеринославскую, Вознесенскую, Кавказскую и на область Таврическую, а также на Дон и на остров Тамань**.

При том усилении и распространении крепостного права, какое оно постепенно получило в царствование императрицы Екатерины II, трудно было ожидать от правительства удовлетворительного решения поставленного ею крестьянского вопроса: вместо того, чтобы приступить к реформе, оно принялось за усмирение пугачевского бунта и стало все более придерживать-

* Сборник ИРИО, т. VII, с. 348 и 381; ср., однако, с. 389—390; т. XXVII, с. 255; ПСЗ, XXI, № 15724, ст. I, п. 8; Свод Законов, изд. 1832 г. Законы о состоянии, ст. 552.

** ПСЗ, XVII, № 12430; XIX, № 13573; XXI, № 15724, ст. II, п. 8; XXIV, № 17638; закон 1796 года имел в виду поселян, записанных там по пятой ревизии (см.: Свод Законов, изд. 1832 г. Законы о состоянии, ст. 556).

ся реакционной политики и относительно крестьянского вопроса. Впрочем, сама императрица даже в позднейшее время еще не вполне утратила интерес к его обсуждению. В 1781 году, например, русский посланник в Вене⁶ прислал при своих депешах манифесты Иосифа II о личном освобождении крестьян и о дозволении им выкупать свои земли⁷; теперь этих манифестов нет при депешах; вместо них вложена бумажка с надписью: «сии приложения не были возвращены из дворца». Вслед за тем, судя по позднейшему известию, был составлен вышеупомянутый проект освобождения всех детей крепостных, которые родятся после 1785 года. Автор одного рассуждения, написанного, вероятно, через несколько лет после обнародования учреждения о губерниях, указывал и на «высочайшее ее императорского величества соизволение», состоящее в том, чтобы «найти средства к уравниванию владельцев и крестьян, к пресечению налагаемых одними излишних податей и работ и происходящих через то от других непослушаний»*. Итак, можно думать, что императрица Екатерина II все еще не совсем охладела к вопросу о постепенном освобождении крепостных и об ослаблении «домашней тирании»; но она уже не питала твердой уверенности в возможности его разрешения. В 1777 году, например, в откровенной беседе с одним из своих чиновников она, между прочим, заметила, что крестьянский вопрос — дело очень трудное: «где только начнут его трогать, он нигде не поддается», а по поводу увещаний Радищева к помещикам — добровольно освободить крестьян — не удержалась от восклицания: «уговетривает помещиков освободить крестьян, да никто не послушает!» Впрочем, потеряв веру в возможность успешно разрешить крестьянский вопрос путем законодательства или частной инициативы, составительница Наказа утешала себя мыслью, что «лучшее судьбы наших крестьян у хорошова помещика нет во всей вселенной»**. С такой точки зрения обсуждение их «судьбы» со стороны частных лиц становилось излишним; по словам одного из иностранцев, писавшего в 1790 годах, «теперь нельзя было касаться вопроса о несправедливости крепостного строя, не подвергаясь (согласно предуказаниям самой императрицы) опасности быть высланным за границу»; а печальная участь

* Русский архив, 1865, с. 248; *Трачевский А.* Союз князей и проч. СПб., 1877, с. 17.

** Русская старина, 1876, т. XVII, с. 14 (Беседы императрицы Екатерины II с Далем); Чтения в Московском обществе истории и древностей, 1865, кн. III; «Смесь», с. 71 и 75.

Радищева, в сочинении которого она ничего не усмотрела, «кроме раскола и разврата», показала, что нельзя было и русскому гражданину свободно обсуждать его внутри империи, не рискуя подвергнуться самому суровому наказанию*.

Таким образом, хотя сама императрица Екатерина II в начале своего царствования пыталась поставить крестьянский вопрос и значительно содействовала пробуждению общественного интереса к его обсуждению, но она все же немного сделала для того, чтобы подготовить его решение: государыня лишь несколько ограничила способы возникновения крепостного состояния, но слишком мало позаботилась о способах его прекращения; она много рассуждала о вредных последствиях «порабощения», но не коснулась его сущности; она хотела улучшить положение владельческих крестьян, но кончила тем, что способствовала дальнейшему усилению помещичьей власти и распространению крепостного права. В течение долголетнего ее царствования большинство населения продолжало пребывать в рабстве у привилегированного меньшинства и напрасно ожидало мероприятий, которые существенно изменили бы «порядок», «противный справедливости», зловредный для культуры и пагубный для всего общественного и государственного строя.

* [Bernhardi A. von]. Züge zu einem Gemälde des Russischen Reiches..., 2-er Theil (1798), S. 171—172; Сборник ИРиО, т. XLII, с. 84.